

Гаврилов Д.А.
(НИО «Северный Ветер», г.Москва)

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ТРИКСТЕРА. ЛОКИ И ОДИН КАК ЭДДИЧЕСКИЕ ТРИКСТЕРЫ.

Опубликовано:

Гаврилов Д. О функциональной роли Трикстера. Локи и Один как эддические трикстеры// Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. докт. филос. наук Наговицына А.Е., М., 2005. –192 с., С.33-59.

Полностью материал см.:

Гаврилов Д.А. Локи и Один как эддические трикстеры / *Гаврилов Д.А.* Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. –М.: Социально-политическая мысль, 2006. –240 с. С. 33-63.

Основатель аналитической психологии, Карл Густав Юнг утверждал, что существуют психические структуры (архетипы), присутствующие в каждом из нас.¹ Как гены определяют наше физиологическое развитие, так архетипы, словно инварианты, определяют характер нашего психологического развития. Наиболее распространенная формулировка определения архетипа звучит примерно так: форма без собственного содержания, определяющая и канализирующая психический материал. Юнг поясняет смысл архетипа, рисуя образ пересохшего русла реки, которое и определяет направление будущего потока, но не характер течения. Архетип сам по себе бессознателен, но может быть представлен в сознании в виде совершенно разных образов, в частности, это зависит и от культуры, к которой принадлежит человек, и от его личных представлений об окружающем мире.

Одним из этнопсихологических инвариантов традиционной культуры является Трикстер. Трикстеру посвящен ряд работ, подчас опровергающих одна другую. Это совершенно не удивительно с учетом противоречивости самого образа Трикстера. Уже термин “Трикстер” в буквальном переводе означает “обманщик, ловкач”, от “trick” – трюк, а производные формы: *tricksy* – ненадежный, обманчивый, шаловливый, игривый, разодетый, нарядный; *tricky* – сложный, запутанный, мудреный, хитрый, ловкий, находчивый, искусный – в зависимости от контекста.² В современном русском языке для данного понятия есть много слов-синонимов: шут, скоморох, плут, обманщик, лицедей, “дурак” – или иностранного корня – паяц. Все они в той или иной степени отражают стороны Трикстера, как вещи, объединяющей их в себе.

Поль Радин первым рассмотрел образ Трикстера в его эволюции, применительно к первобытной мифологии индейцев.³ Иррациональное поведение Трикстера представляется ему, как возможность выхода низменных страстей, не признанных моральными устоями племени и строя. Этими безрассудными выходками Трикстер зачастую ломает имеющиеся традиции и зачинает новые. Так в мифологии индейского племени Виннебаго присутствует мотив перехода Трикстера в Культурного героя, стоящего на более высокой ступени развития.

Карл Густав Юнг в статье, изданной в качестве послесловия к книге Радина⁴ отметил: “так как рассказы о трикстерах грубо примитивны, неудивительно, если человек видит в мифе просто плод раннего, архаического сознания...”⁵ “Мотив трюкача, – пишет Юнг, – проявляется не только в мифической форме, но также присущ ничему не подозревающему современному человеку, когда он чувствует себя игрушкой в руках “случая”, который

¹ Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Мн.: “Харвест”, 2004.

² Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М.: “Русский Язык”, 2002, С. 773.

³ Радин П. Трикстер. – СПб.: “Евразия”, 1999.

⁴ Radin P. The Trickster: A Study in American Indian Mythology (with commentaries by C.G.Yung and Karl Kerényi). London, 1956.

⁵ Юнг К. Г. Психология образа трикстера/ Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Мн.: “Харвест”, 2004. СС. 338-358.

парализует его волю и действия своим откровенно злым умыслом. Мы тогда говорим о "вещах, приносящих несчастье", "заколдованности" и "зловредности" объекта. Здесь трикстер представлен противоречивыми тенденциями бессознательного... и в некоторых случаях – подобием второй личности детского или подчиненного характера... Я думаю, – пишет Юнг далее, – что нашел подходящее определение для этого компонента характера, когда назвал его Тенью. На культурном уровне он воспринимается как личные ошибки, или промахи, которые затем рассматриваются как дефекты сознательной личности. В карнавальных и им подобных обычаях мы находим пережитки коллективного образа Тени, которая доказывает, что личная Тень частично коренится в коллективной фигуре сознания. Эта коллективная фигура постепенно разрушается под воздействием цивилизации, оставляя в фольклоре следы, которые трудно распознать. Но основная ее часть олицетворяется и становится предметом личной ответственности.”

"Дух трикстера" по Юнгу обнаруживается ярко в средневековье, главным образом выражаясь в празднике "Пир дураков", во время которого, как сообщается в хронике 1198 года, было совершено "столь много мерзостей и постыдных действий", что святое место было осквернено "не только непристойными шутками, но даже пролитием крови". Спустя 250 лет в хрониках можно прочесть, что во время этого праздника "даже священники и духовные лица выбирали архиепископа, епископа или папу и называли его Папой дураков". "В самой середине церковной службы маски с нелепыми лицами, переодетые женщинами, львами и фиглярами, плясали, пели хором непристойные песни, ели жирную пищу с угла алтаря возле священника, правящего мессу, играли в кости, бегали и прыгали по всей церкви". В некоторых местах, по-видимому, сами священники были приверженцами "Пира дураков". Юнг указывает, что этот праздник или "счастливый случай" давал волю более древнему слою сознания со свойствами язычеству необузданностью, распутством и безответностью... Совершенно очевидно, что Трикстер является "психологемой", чрезвычайно древней архетипической психологической структурой. "В своих наиболее отчетливых проявлениях он предстает как верное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, соответствующего душе, которая едва поднялась над уровнем животного".

"Он был коротким, крепким и толстым, голова – огромной, а лицо все в морщинах. Его широкие уши свисали до середины живота. Глаза были велики, нос длинен, рот широк, зубы кривы. Его волосы стояли дыбом, и вид напоминал козла. Руки и пальцы – жирны и малы, платье с фартуком, ... ботинки набиты навозом. Шапка шита из козьей шкуры, на ней виднелись рога, шерстяная накидка служила ему одеждой". – Так выглядит чудак Морольф, герой сборника шванков Г. Хайдена (1480-х годов). Детали облика наверняка были "срисованы" автором с натуры, позаимствованы из карнавального мира широкой масленицы, в центре которого находился моделированный наподобие козла шут. Головной убор – шапка с матерчатыми концами, завершающимися погремушками-бубенцами, – восходит к лобной части козлиного черепа, которая закреплялась на голове карнавального шута. На следующем этапе становления народной культуры и устных традиций персонаж получает примитивную типизацию через пол, возраст и социальный статус.⁶

Трикстер определен известным советским исследователем Е. М. Мелетинским⁷ через образ культурного героя: "Культурный герой (с чертами первопродка и демиурга) и его комический дублёр – Трикстер – центральные образы не только архаической мифологии как таковой, но и первобытного фольклора в целом. Это объясняется, во-первых, архаически-синкретическим характером указанных образов (они предшествуют отчётливой дифференциации религиозных и чисто поэтических сюжетов и образов) и, во-вторых, тем, что культурный герой (в отличие, например, от духов-хозяев) персонифицирует (моделирует) не стихийные силы природы, а саму родо-племенную общину. Раздвоение на серьёзного Культурного героя и его демонически-комический

⁶ Maranda E.K., Maranda P. Structural Models in Folklore and Transformational Essays. – The Hague, Paris, 1971. p. 23.

⁷ Мелетинский Е. М. Культурный герой / Мифы народов мира. т.2. – М.: "Советская энциклопедия", 1982. СС. 25-28.

отрицательный вариант соответствует в религиозном плане этическому дуализму, а в поэтическом – дифференциации героического и комического.”

Культурный герой по Мелетинскому – это “мифический персонаж, который добывает или впервые создаёт для людей различные предметы культуры (огонь, культурные растения, орудия труда), учит их охотничьим приёмам, ремёслам, искусствам, вводит определённую социальную организацию, брачные правила, магические предписания, ритуалы и праздники. В силу недифференцированности представлений о природе и культуре в первобытном сознании (напр., появление огня в результате трения приравнивается к происхождению природных явлений грома и молнии, солнечного света и т. п.) культурному герою приписывается также участие в мироустройстве: вылавливание земли из первоначального океана, установление небесных светил, регулирование смены дня и ночи, времён года, приливов и отливов, участие в создании, формировании и воспитании первых людей и др. В древних версиях мифов, отражающих специфику присваивающего хозяйства, культурный герой добывает готовые блага культуры, а порой и элементы природы путём простой находки или похищения у первоначального хранителя (у старухи-прародительницы, у хозяйки царства мёртвых, у небесных богов, у духов-хозяев).”

“Демонически-комический дублёр культурного героя наделяется чертами плута-озорника (Трикстера). В мифах заметна тенденция отделить серьёзные деяния героя от озорных трюков. У некоторых североамериканских племён мифы о творческих деяниях Ворона, Койота и др. воспринимаются с полной серьёзностью и ритуализованы по формам бытования, а анекдотические истории с тем же Вороном и Койотом рассказываются для развлечения. Озорные проделки Трикстера большей частью служат удовлетворению его прожорливости или похоти. Обычно преобладает какое-нибудь одно качество: например, у индейцев северо-западного побережья Америки ворон – прожорливый Трикстер, а норка – похотливый; в мифологии догонов *Легба* отличается гиперэротизмом, а *Йо* – обжорством. Стремясь удовлетворить голод или ненасытное желание, Трикстер прибегает к обману, нарушает самые строгие табу (в т. ч. совершает кровосмешение), нормы обычного права и общинной морали (злоупотребление гостеприимством; поедание зимних запасов семьи или родовой общины). Нарушение табу и профанирование святынь иногда имеет характер “незаинтересованного” озорства, имеют характер пародии на серьёзные творческие деяния. Действуя асоциально и профанируя святыни, Трикстер тем не менее большей частью торжествует над своими жертвами, хотя в отдельных случаях он терпит неудачи. Сочетание в одном лице серьёзного Культурного героя и Трикстера, – пишет Е.М. Мелетинский, – вероятно, объясняется не только фактом широкой циклизации сюжетов вокруг популярных фольклорных персонажей, но и тем, что действие в этих циклах отнесено ко времени до установления строгого миропорядка – к мифическому времени. Это в значительной мере придаёт сказаниям о Трикстерах характер легальной отдушины, известного “противоядия” мелочной регламентированности в родо-племенном обществе, шаманскому спиритуализму и др. В типе Трикстера как бы заключён некий универсальный комизм, распространяющийся и на одураченных жертв плута, и на высокие ритуалы, и на асоциальность и невоздержанность самого плута.”

В. Я. Пропп показал, что “изучение атрибутов (действующих лиц) дает возможность научного толкования сказки. С точки зрения исторической это означает, что волшебная сказка в своих морфологических формах представляет собою миф”.⁸ В. Я. Проппом разобраны общие мотивы одурачивания в народном фольклоре. Он называет одурачиванием причинение неудачи или посрамление воли, причем иногда одураченный может оказываться посрамленным по собственной вине.⁹ Среди прочих он выделяет, например, группу сказок о шутах. Так шут говорит, что у него есть плетка, которая оживляет мертвых. “По сговору с женой он будто бы ссорится с ней, будто-бы ударяет ее ножом, на самом же деле прокалывает заранее спрятанный пузырь с кровью, а потом

⁸ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: "Лабиринт", 2003, СС. 80-84.

⁹ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: "Лабиринт", 2002, СС. 76-83.

ударяет ее плеткой, и она оживает. Плетку эту он продает за большие деньги. Покупатель убивает свою жену и пробует оживить её плеткой. Плут над ним смеется. Сказка состоит из цепи подобных проделок. Его враги пытаются отомстить ему и уничтожить его, но это оказывается невозможным – он всегда выходит сухим из воды.”

“Такие сказки – продолжает Пропп, – для современного человека представляют некоторую загадку. Смех представляется здесь циничным и как будто бессмысленным. Но в фольклоре имеются свои законы: слушатель не относит их к действительности... победитель прав уже потому, что он побеждает, и сказка несколько не жалеет тех доверчивых глупцов, которые делаются жертвой проделок шута.”

Необыкновенно важна функция Трикстера как насмешника. "Общий вектор ее развития – от непосредственной потребности в собственно увеселительных и оргиастических сторонах мифо-религиозной жизни к снятию определенных “напряжений” в культуре, разрядке обстановки в целом. Функция смеха – обнажать, обнаруживать правду, раздвигать реальность от покровов этикета, церемониального, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества. Боги-озорники были созданы как щит от страха, как отстранение от серьезности, отдых от законов и ограничений, чтобы выразить противоречивую и двуликую полноту жизни. Задача Трикстера и состоит в том, чтобы заставить смеяться над тем, что представляется высоким и священным. По совершенно верному замечанию Проппа, смех есть оружие уничтожения.”¹⁰

Развивая вышеозначенную идею Мелетинского, Т. А. Струкова¹¹ пишет: “Мифологический Культурный герой статичен – “стоп-кадр”. Меняются декорации, в которых он действует, меняются чудовища, которых он побеждает, появляются в силу его податливости к соблазну и склонности к насилию все новая необходимость к подвигу. Культурный герой влияет на реальность, преобразует ее, при этом сама реальность не затрагивает его, не оставляя следа, “как вода на песке”. Он статичен, и это дает нам с вами возможность рассмотреть, разглядеть, расчленить и препарировать мифологему Культурного героя. Трикстер подвижен, неуловим, а потому неопределим. Его можно наделить атрибутами, часто противоречащими друг другу и всегда недостаточными. Завернутый в атрибутивный кокон, он прячет от нас свое лицо, и мы не можем ухватить его сущность. Несомненно, имя его табуировано. В текстах он называется то стариком, то внуком, то старшим братом, то вождем, то именами зверей и птиц. Сам Трикстер все время называет себя и обращается к себе – “Глупец”. Но, учитывая постоянно присутствующий мотив отражения реального, мифологический Трикстер возвращает это “глупец” нам.

Связь Культурного героя с местом его обитания несомненна и очевидна. Каждый раз, как бы далеко не уводил его путь служения, он, как бумеранг, всегда возвращается в некий сакральный центр. Пространство Культурного героя централизовано, объемно и неоднородно. В мифологии Трикстера отчетливо прослеживается мотив ухода и никогда – возвращения. Возвращение всегда связано с “наживанием кучи неприятностей”, а потому неприемлемо. Пространство Трикстера плоское, гомогенное и однородное, равное самому себе в каждой точке. Ситуационное многообразие Трикстера может быть сведено к удовлетворению им четырех потребностей: полового инстинкта (Трикстер-партнер выступает то мужчиной, то женщиной, то сильным, то бессильным), голода, потребности в сне и отдыхе, испражнения. Удовлетворение этих потребностей не регулируется ни определенными навыками, ни социальными нормами. Возникновение их всегда спонтанно и удовлетворяет он их при первом их появлении.

Путь у Культурного героя всегда связан со взваливанием на себя бремени ответственности за других. Что, конечно, требует особых моральных качеств и силы. Обычно герои и наделяются сверхчеловеческими возможностями, хотя и лишены бессмертия, что объясняет отсутствие в них иронии и самоиронии. Путь у Трикстера – это всегда “бесцельное брождение”, “просто путешествие”, это всегда уход от

¹⁰ Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I – VIII веках. – СПб.: “Евразия”, 2002. С.169

¹¹ Струкова Т. А. Метаморфозы трикстера в лабиринте обыденности// Бог. Человек. Мир (Материалы ежегодной научной конференции). – М.: “Издательство Русского Христианского гуманитарного института”, 2000.

ответственности. Трикстера отличает ирония и скепсис по отношению к общественному долгу.”

Человек трикстерной природы и мифологический Трикстер, по словам В. Н. Топорова, “всегда ищут свой единственный шанс на необщих путях... Готовность и умение усвоить себе особый тип поведения определяют активный полюс деятельности трикстера; отдача же себя ситуации рокового выбора, напротив, отсылает к пассивному полюсу, где сам трикстер оказывается игрушкой в руках Судьбы, если только на следующем этапе он не переиграет ее за счет особой, даже Судьбе неизвестной стратегии поведения” – подчеркивает Топоров особенность Трикстера находить выход из казалось бы безвыходной ситуации.¹²

“Мир рационального сознания – это мир буквальный, а Трикстер живет в мире смысловом, где есть “правда”, но нет буквальности. И поэтому категории организованного мира просто не существуют для него: нет жизни и нет смерти (а значит, нет убийства, это лишь притворство), не существует никаких границ или ограничений... Трикстер находится на границе игры и действительности. Сама жизнь по Трикстеру оформлена особым игровым образом. По правилам, которые он задает, живут все окружающие его”.¹³

Левон Абрамян указывает: “сама историческая действительность обладает порой такими “мифологическими” свойствами, что может породить особых “мифологических” лидеров.”¹⁴ Он рассматривает личность В. И. Ленина в качестве Трикстера в период смены общественно-экономической формации, утверждая, что “в случае Ленина мы имеем не проницательного ученого, учащегося у истории в тиши кабинета, а политического деятеля, творящего импровизированную историю, причем при помощи таких же трюков, как и классический мифологический Трикстера. Научные штудии Ленина лишь создавали “научно-объективную” базу для трюкачества в истории, уже сами его труды несут на себе глубокий отпечаток трикстерности их автора.” Автор вычленяет ряд функций Трикстера и переносит их на образ “вождя мирового пролетариата” Например, “мы пойдем другим путем”, – говорит Ленин ставшую хрестоматийной фразу после казни старшего брата-террориста, подготавливавшего покушение на царя Александра III. Выбор обходного, необычного, кривого пути – один из типично трикстерных аспектов поведения. Работа Л. Абрамяна актуальна уже тем, что показывает практическую ценность и значимость исследования архетипа Трикстера, применительно к современным нам политическим деятелям, а не только фигурам далекого прошлого и народного фольклора. “Ленина роднит с Трикстером уже то, – пишет Абрамян, – что он, будучи революционером, как и Трикстер, является изменителем мира и культуртрегером. При этом новый мир творится посредством хитрости, трюка. Свидетельство этому – научное наследие Ленина, особенно те сочинения, где он обосновывает правомерность и историческую неизбежность революции в России. Фактически Ленин переворачивает теорию революции классиков марксизма. Если те говорили о социалистической революции в будущем после достижения достаточно высокого уровня развития капитализма, причем в центре капиталистического мира, то Ленин переносит ее в настоящее и на периферию, в наиболее слабое звено капиталистической системы. Но делает он это не по недомумию, подобно тому как, например, Хрущев переместил коммунизм из неопределенного будущего в конкретный, 1980 год, а в качестве хитроумного трюка. Т. е. типичный, наиболее широко известный трикстерный поступок – переворачивание – Ленин применил для другого типичного трикстерного поступка – хитроумного обмана, трюка. Впрочем, чисто карнавальное переворачивание тоже входит в арсенал ленинских поступков – вспомним, например, его знаменитое высказывание о кухарках, которые должны править государством. Но это скорее отражение общей карнавальности революции, а не специфически ленинская черта.”

¹² Топоров В. Н. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. СС. 5-23.

¹³ Пяткова Н. Л. Организующая роль трикстера в мифологии хантов и манси//Урало-сибирская научно практическая конференция. Екатеринбург: Уральский государственный университет. 2003.

¹⁴ Abrahamian L. Lenin As a Trickster // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1999. V.38. № 2. P. 7-26.

“Никакие его (трикстера) маски, превращения, тяга к перевертываниям (изнаночности), установка на абсурдные ходы и т.п. не могут скрыть сколько-нибудь прочно его доброго ядра”.¹⁵ Образ Ленина, как Трикстера, по Л. Абрамяну, приближается, судя по итогам его творений, к образу “неудачливого демиурга – одного из двух универсальных мифологических близнецов-демиургов. Подобно ему, Ленин хотел принести пользу людям, но на самом деле посеял лишь разлад и зло. Это мифологическое соответствие было подтверждено недавним крахом ленинской коммунистической вселенной... В противоположность данному результату, каноническая лениниана представляет мифологию удачливого брата-демиурга: многочисленные (официозные) тексты и образы рассказывают о Великом Праотце Ленине, который создал новую коммунистическую вселенную после того, как разрушил старую.”

Социальное воображение оперирует архетипическими образами. Но также оно оперирует образами конкретной культуры, позволяет нам включиться в социальную действительность, присвоив себе определенные стереотипы и модели поведения, примерив маски социума, как "защиту от плевков и от пощечин".

Трикстер проявляет себя и в современной нам устной народной культуре – в анекдотах, как одной из форм реализации социального воображения. Например, А. В. Конева, рассматривая феномен анекдота, отмечает следующее: “Образ Трикстера непременно включает и любовь к коварным розыгрышам и злым выходкам, и способность изменять облик, и определенно двойственную природу. Он близок к природе – и анекдотический дед также либо живет в селе, либо (в образе папаша командира отряда ОМОН или папаша нового русского) описывается как дед-моховик, замшелый дедок и т.д. С точки зрения обнаружения в герое анекдота архетипа трикстера любопытно, что в этой истории встречается упоминание о кролике. Дед-трикстер, который “разводит” кроликов – в высшей степени лукавый образ. Практически во всех культурах, где обнаружены мифы о Кролике, он исполняет двойную роль культурного героя и трикстера. Таким образом, дед-трикстер “разводит” современных культурных героев, сам занимая освободившееся героическое место.”¹⁶ В мифах культурному герою полагается позаботиться об изменении сил природы, лишении их изначальных деструктивных функций; а также об освобождении мира из-под власти монстров, людоедов и гигантов. Это и составляет основную функцию “деда из Запорожца”. Снижение смысла, логическая подмена, смещение, парадокс – все эти трикстерные приемы позволяют создать серию конкретных узнаваемых анекдотичных образов, за которыми прочитываются обширные культурные пласты, свидетельствующие о единстве народной культуры и мира.

Сформулируем в общем виде основные функции Трикстера. Для наглядности же обратимся к традиционной культуре древних германцев, наиболее полно отраженной в Старшей и Младшей Эддах. Сделаем это вот еще из каких соображений. М. И. Стеблин-Каменский отмечает: “Эддические мифы до сих пор толкуются как сентиментальная картина борьбы “добрых” со “злыми”. В действительности, однако, в этих мифах “добрых”, в сущности, нет. Главные персонажи эддических мифов никогда не выступают как моральные идеалы или как установители или блюстители морали. Они действуют, как правило, не из этических, а из эгоистических побуждений. Если они мстят, то это месть не за нарушение морали, а за посягательство на их имущество или на них самих...”¹⁷ И даже несмотря на это обстоятельство есть два бога, резко выделяющиеся среди всех прочих эддических персонажей своим трикстерным поведением – это Один и его побратим Локи – таким образом, что на их фоне другие кажутся образчиками общественной морали.

Правда, большинство исследователей не рассматривают Одина как Трикстера, польстившись на очевидное шутовское поведение Локи. Но здесь будет доказано, что “старый” Один сам не меньший Трикстер, чем его “молодой” побратим.

1. Трикстер появляется для нарушения сложившихся устоев и традиций, он

¹⁵ *Топоров...* С.17.

¹⁶ *Конева А. В.* Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 года. – СПб.: «Санкт-Петербургское философское общество», 2002. СС.70-77.

¹⁷ *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. – М.: "Высшая Школа", 1979. С. 49

привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный.

“В меньшей степени можно усмотреть какие-либо этические мотивы в поведении Одина, – продолжает М. И. Стеблин-Каменский. – Он помогает героям одерживать победы вовсе не потому, что он поборник добра и справедливости, но потому, что вообще любит, когда сражаются, и нередко сам убивает тех, кому он раньше помогал. Его решения, кому должна достаться победа, заведомо несправедливы, и он помогает героям побеждать скорее хитростью, чем силой. Сам не любит сражаться. С волком Фенриром (сыном Локи), который в конце мира должен его проглотить, он сражается из самозащиты. То, что он добыл мед поэзии, объективно благо, но побуждением Одина явно было просто желание похитить чужое сокровище. При этом Один устраивает так, что девять косцов перерезают друг другу шеи, и соблазняет дочь великана, у которого хранится мед. И то и другое он совершает совсем не потому, что в этом была какая-то необходимость, но просто он любит сеять раздор, а также соблазнять девушек или чужих жен и потом похваляться своими победами. Не случайно Одину приписывается собрание правил житейской мудрости (строфы 1—95, 103 и 112—137 “Речей Высокого”), в которых он советует, в частности, платить обманом за обман, обольщать женщин лестью и подарками, никому не доверять и т. п.”

*Локи сказал:
Молчи-ка ты, Один!
с начала времен
людей ты судил неправо:
в распре не раз,
кто праздновал труса,
тому ты дарил победу.
 (“Перебранка Локи”, 22)¹⁸*

Но если Один совсем не так уж “добр”, то второй из выделенных здесь асов – “Локи, самый “злой” из персонажей эддических мифов – в сущности, не такой уж злой. У него, правда, есть на совести несколько злых дел: он отрезал волосы у Сив, жены Тора; он заманил Идунн к великану Тьяцци и тем оставил богов без омолаживающих яблок; он заманил Тора к великану Гейррёду; он сделал так, что Хёд убил Бальдра, и помешал вернуть Бальдра из Хель. Но Локи совершал свои злые дела не со зла, по-видимому, а иногда из любопытства, иногда из трусости или даже просто из самозащиты (например, когда он заманил Идунн к Тьяцци или Тора к Гейррёду) и т.д.”¹⁹

Обратим внимание, что именно Один (под именем Харбарда) в “Песне о Харбарде” и Локи (в “Перебранке Локи”) устраивают поэтическое состязание в поношении всех присутствующих: обвиняют в несоблюдении нравственных запретов, хотя сами их нарушают, в проявлении трусости, в невыполнении долга чести, в нарушении элементарных табу... и т.д. Причем истинность обвинений при этом не обсуждается и не оспаривается.

Локи, явившись на пир богов, обвиняет аса Браги в трусости, что де он храбр лишь за чашей, и гораздый бегать от битвы, а это, конечно, для викинга серьезное оскорбление. Асиню Идунн Локи обвиняет в блудодействе с убийцей Бальдра, то есть либо с Хёдом либо с самим собой. Если верить Локи, асиня Гевьон²⁰ отдается за подарки юнцам. Одина в дополнение к уже упомянутому обвинению в несправедливости, Локи корит в том, что он ведет себя как сейдовская баба, и это подробно рассмотрено ниже. Фригг достается от Локи за то, что изменяла мужу с его братьями. Фрейе – за то, что переспала со всеми асами и ванами, включая и собственного брата Фрейра.

Локи смеется и над ваном Ньёрдом: “*Уочами, как в чан, мочились тогда в рот тебе дочери Хюмира*”. Ньёрд, не опровергая этих сведений, заявляет, что зато у него самый

¹⁸ Старшая Эдда. В пер. В.Тихомирова / Корни Иггдрасиля (Эдда. Скальды. Саги), сб. под ред. О.Смирницкой, – М.: “Терра”, 1997.

¹⁹ Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература... С. 50.

²⁰ Согласно “Младшей Эдде” Гевьон – дева, которой прислуживают умершие девушками

прекрасный среди асов сын.

В отличие от "нида", чисто хулительного стиха, в перебранке допускается еще и похвальба.²¹ Как раз похвальбу в процессе перебранки можно опровергать, и Локи тут же обвиняет отца Фрейра в том, что тот зачал своего сына с собственной сестрой, и что этот прекрасный сын заложил меч, столь необходимый асом в момент Рагнарёка, опять же ради бабы.

Асу Тюру отец лжи напоминает, как обрюхатил его жену, а Тюр отказался от мести.

Бесстрашного Тора Лофт высмеивает за трусость (как и Один-Харбард), напоминая, что громовержец сидел тиши мыши в великанской рукавице Скрюмира... и т.д.

Несмотря на то, что Трикстер наделяется почти неизменным атрибутом – хулительными речами, – они носят также очистительный и возрождающий характер – это разоблачение, правда о старой власти, об умирающем мире. И хотя на пиру богов у морского великана Эгира Локи нарушает ритуальный мир, но задним числом Локи заставляет богов держаться рамок приличия. "Причем ругательства здесь абсолютно симметрично спроецированы на мир асов из мира людей – они имеют то же содержание, тональность и цель, что и ругательства, употребляемые в бытовых раздорах."²²

Это означает, что Трикстер действует не только в поле мифа, но и за его пределами, в той социальной среде, которая использует сам миф.

2. Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная Мировая Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социо-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча.

При создании нового Мира Один выступает как разрушитель Мира старого, он убивает великана Имира и нарушает тот Порядок, что был при Имире, т.е. разрушает мир, существовавший до Одина и состоявший лишь из Муспельхейма, Нифльхейма и Мировой Бездны.²³ Расчленив первовеликана вместе с братьями на куски, Один устраивает собственное мироздание, выступая тем самым Альфёдром – Всеотцом.

Старый мир, мир великанов, мир Бергельмира, Бора, Бури, Бестлы, Мимира великий Один перекроил на новый лад, упорядочив Бездну Мировой Энтропии.

Но и созданный им же самим новый Порядок, Один тоже попирает сам, хотя несколько иным образом. Так произошло, когда асы нарушили данную великану при постройке стены вокруг Асгарда клятву, тем самым подорвав устои своего мира: "*Крепкие были попораны клятвы, тот договор, что досель соблюдался...*" Он, Один, тот, "*что в битвах Губитель*", начал войну между асами и ванами, Хникар и Хникуд – имена Одина, что значит – "*сеятель раздоров*".

Несоответствие жизни асов тем принципам, которые они провозгласили, – это источник разрушения мира. Асы сами породили своих противников – достаточно посмотреть, чем похвальноется Один в "Песне о Харбарде" и в каком блюде Локи упрекает прочих асов, а затем сравнить эти "добродетели" со следующим списком.

39.
*я видела, вброд
через тяжкие воды
клятвопреступники
и душегубы,
и те, кто чужих
жен соблазняли,
идут, и холодные*

45
*брат на брата -
и гибнут в бранях,
родич на родича -
режутся рати,
мерзость в мире
настало время
меча и блуда,*

²¹ Тут вспоминается перебранка Ильи Муромца с князем Владимиром на пиру, перебранка Садко с гостями и купцами именитыми, перебранка Василия Буслаева с новгородцами, перебранка Ильи Муромца с Идолищем или Калиным-царем, Одиссея – с женихами, распри олимпийских богинь Афины и Геры с одной стороны – Афродиты с другой стороны. Словом, жанр весьма традиционный.

²² Хлевов А. А. Предвестники викингов... С. 169.

²³ Нельзя не вспомнить и о Гермесе, убийце тысячеглазого исполина Аргуса, из которого было создано звездное небо. Один зашвырнул на небо глаза турса Тьяцци, и они загорелись там звездами, прежде он же сотворил звезды из сверкающих искр Муспелля, а из черепа Имира – сам небосвод.

*трупы гложут
Волк и Нидхегг.
Еще мне вещать?
Или хватит?*

*щита разбитого,
ветра, Волка,
погибели мира,
человек человека
не пощадит
(“Прорицание вёльвы”)²⁴*

Это все прямые следствия поведения Одина. Он сам разрушил свой мир, он же и вверг его в хаос.

Локи в свою очередь тоже портит мир, сотворенный Одином, Вили и Ве (и выступает здесь как бы кривым отражением, Тенью Одина).

Локи и сам один из древнейших богов. Под именем Лодура Локи входит в одну из эддических триад. Как Лодур он участвует в создании первых людей наравне с Одином.

“И трое пришло из этого рода асов благих и могучих к морю, бессильных увидели на берегу Аска и Эмблу, судьбы не имевших. Они не дышали, в них не было духа, румянца на лицах, тепла и голоса; дал Один дыханье, а Хенир – дух, а Лодур – тепло и лицам румянца.”²⁵

“Однажды три аса благих и могучих шли вместе по берегу моря домой. На побережьи нашли они чаявших жребия – Бессильно лежавших там Аскра и Эмблу. Души и дыханья у них еще не было, Теплоты и движенья, и жизненных красок. Гонир душу им дал, дал им Один дыхание, Дал Лодурр тепло и цветущие краски.”²⁶

Локи, согласно "Перебранке Локи", кровный побратим Одина. К тому же "братья его Бюлейст и Хельблинди", а Хельблинди (Слепо-Хель) – это хейти Одина из знаменитого перечисления в "Речах Гримнира", что наводит на размышления о сопоставимости триад Один-Лодур-Хенир и Хельблинди-Локи-Бюлейст.

Тот же Локи предводительствует теми, кто пойдет в дни Рагнарека войной на светлых богов, как только вырвется на свободу. Война приведет к Гибели старых богов и перерождению Мира через смерть.

*дрогнул Иггдрасиль,
яшень трепещет,
трещит сердцевина -
вырывается йотун:
все устрашится
в подземных землях,
когда он явится,
родич Сурта*

"Враг на свободе" – это относится к Локи, который освободился от пут. Почему вырывается турс (или йотун)? Поскольку Локи лишь приемный ас, он родной сын великана Фарбаути и великанши Лоувейи, таким образом, он и родич Сурт(р)а. Сурт(р) – “черный” – великан, сидевший на краю Муспелльсхейма с начала мира. Он пойдет на асов войной вместе с Локи, убьет Фрейра и сожжет весь мир.

*...Нагльфар плывет
С востока в ладье
Муспелля люди
плывут по волнам,
а Локи правит;
едут с Волком
сыны великанов,
в ладье с ними брат
Бюлейста едет.*

Вот другой вариант перевода:

*...Нагльфар плывет -
Муспелля войско*

²⁴ Старшая Эдда. В пер. В.Тихомирова...

²⁵ Старшая Эдда. В пер. А. Корсуна, под. ред. М.И. Стеблин-Каменского/ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах, М.: Художественная литература, 1975.

²⁶ Старшая Эдда. Русская классная библиотека под ред. А.Н.Чудинова, СПб. 1897.

*везет с востока
корабль по водам
(а кормщик – Локи),
везет он волка
и племя чудищ,
и Бюлейста брат
с ними плывет.*

3. Трикстер традиционно выступает посредником между мирами и социальными группами, способствует обмену между ними культурными ценностями и переводу информации из области непознанного (Мир Иной) в область познаваемого (Белый Свет). Он делает неявное явным, вторгаясь в область неизведанного первым.

“Один в глазах скандинавов был не только военным вождем, зачинщиком битв и сеятелем раздоров, – указывает А. Я. Гуревич. – Он и вечный странник, никогда не остающийся на одном месте, старец в надвинутой на глаза шляпе, в голубом плаще, склонный к перевоплощениям и мистификации. Верхом на восьминогом коне Слейпнире (конь почитался скандинавами как священное животное), в сопровождении волков и воронов, зовущихся “Память” и “Мысль”, он постоянно охотится, как бы олицетворяя дух беспокойства и тяги к странствиям, овладевший скандинавами в эпоху викингов. Он же покровитель торговли. Наконец, Один – воплощение высшей мудрости, он считался источником магии и поэзии (“меда Одина”). Чтобы стать всеведущим и получить знание рун, Один принес самого себя в жертву, повесившись на мировом дереве, прошив себя копьем, и отдал глаз в обмен на внутреннее зрение – мудрость.”²⁷

Тождество бога древних германцев Одина-Вотана-Водена и римского Меркурия, восходящего к греческому трикстеру – Гермесу, согласно свидетельству современников языческих верований, лишь подтверждает выдающуюся роль Одина в покровительстве добыче духовных и материальных ценностей, их обмену, торговле.

Корнелий Тацит в 1 столетии н.э. сообщал о материковых германцах: *“Из богов они больше всего чтят Меркурия и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей. Геркулеса и Марса они умилостивляют заклятиями обрекаемых им в жертву животных”*²⁸.

В 740-х годах Павел Диакон в “Истории Лангобардов”²⁹ писал: *“ 9. ... верно то, что лангобарды, первоначально называвшиеся винилами, впоследствии получили свое название от длинных бород, не тронутых бритвой. Ведь на их языке слово “lang” означает “длинный”, а “bart” – борода”. А Годан, которого они, прибавив одну букву, называли Гводаном, это тот самый, кто у римлян зовется Меркурием и кому поклонялись как богу все народы Германии, не наших, однако, времен, а гораздо более древних. И не Германии он собственно принадлежит, а Греции.”*

Норманнский автор Гальфрид Монмутский в “Деянии бриттов” отмечал: *“Мы чтим отчих богов – Сатурна, Юпитера и прочих правящих миром, но в особенности Меркурия, которого на своем языке называем Воденом. Наши предки посвятили ему день четвертый недели, который и по сей час зовем по его имени воденесдей”*³⁰.

И еще свидетельство древнеисландского текста Rymbegla: *“... Зевс, которого мы зовем Тором, и Меркурий, которого мы называем Одином...”* – сказано в нём.

Сам “Локи сделал ряд добрых дел: заставил карликов изготовить золотые волосы для Сив, корабль Скидбладнир для Фрейра, копьё Гунгнир для Одина; вернул Идунн с ее омолаживающими яблоками асам; помог Тору вернуть себе молот от великана Трюма; помешал мастеру, который взялся построить стены Асгарда, закончить свою работу в срок и тем спас Фрейю, солнце и луну. Так что свирепое наказание, которому асы подвергли его (он должен до конца света сидеть под змеей, чей яд все время капает ему на лицо), свидетельствует скорее о

²⁷ Арон Гуревич. Избранные труды. В 4-х т.т. Том 1. Древние германцы. Викинги. – М. – СПб.: “Университетская книга”, 1999. С.174.

²⁸ О происхождении германцев, 9 / Корнелий Тацит. Собр. соч. в двух томах. т.1., – Л.: “Наука”, 1969.

²⁹ Средневековая латинская литература IV-IX вв. М. 1970.

³⁰ История бриттов, 98 / Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. – М.: “Наука”, 1984, СС. 5-137.

жестокости асов, чем об их справедливости.”³¹ *"Асы не раз попадали из-за него в беду, но часто он же выручал их своей изворотливостью"*³².

Например, в "Младшей Эдде" говорится, что когда боги подло убили проникшего в Асгард великана Тьяцци, его дочь Скади отправилась мстить за отца. Асы предложили ей выкуп, и та потребовала, чтобы те дали ей в мужа прекраснейшего из богов. Она подразумевала, что это, конечно же будет сын Одина Бальдр, но боги предложили разборчивой невесте встречную задачу – узнать жениха, глядя только на его ноги. Скади не угадала, выбрав Ньерда. У неё в свою очередь было своё условие – асы должны были рассмешить горущую по отцу великаншу-несмеяну³³. У них долго ничего не получалось, наконец, изобретательный Локи привязал один конец веревки к бороде козы, другой – к своей мошонке. Подпрыгивая и крича от боли, Локи свалился на колени Скади, и та, не выдержав, рассмеялась. Мир был заключен.

4. Трикстер – господин многих искусств, мастер на все руки, иногда спутник культурного героя или сам культурный герой, его проводник, или его тень, тот, кто проверяет претензии героя на Силу и Власть. Трикстер – добытчик знаний через нарушение социального или космогонического запрета, инициатор мифологического действия.

Локи сопровождает Тора в нескольких его походах к инеистым великанам, он же спутник Одина и Хенира. Устоявшийся эддический кеннинг Локи – *"родич и дядя, веселый попутчик и сотрапезник Одина и асов"*. Локи – изобретатель рыболовной сети как снаряжения для ловли рыбы (его изобретение, кстати, оборачивается против самого изобретателя).

Рассматривая в ряде энциклопедических статей образ Локи в контексте северогерманской культуры Е. М. Мелетинский и А. Я. Гуревич справедливо отмечают:

"Локи – вечный "добытчик" (посредством трюков), мифологических ценностей у карликов для богов, у богов для великанов и т. д., как оператор их вечной "циркуляции". Локи выступает как комический дублёр Одина в космогонии и его демонический противник в эсхатологии. У них обоих есть шаманские черты, но шаманские странствия Локи ограничены горизонтальной проекцией, тогда как образ Одина тесно связан с мировым деревом. Условно Одина и Локи можно соотнести как белое и чёрное шаманство. В качестве позитивного творца Один – отец асов, а Локи – отец хтонических чудовищ, Один – хозяин небесного царства мёртвых для избранных, а Локи – отец хозяйки подземного царства мёртвых и тайный виновник первой смерти (смерти Бальдра), которая является одиначеским жертвоприношением (реальный убийца слепец-Хёд – также, возможно, дублёр Одина)."

Плут Локи из любопытства и озорства идет на риск и жертвует собой в добывании разнообразных ценностей мира по неосторожности. Один – бог волшебства и мудрости, который ради знания неоднократно приносил в жертву собственное тело: первый раз – пожертвовав глаз, во второй – распнув себя на стволе Иггдрасилля.

Владыка асов "темен" на один глаз, но в то же время Одину все видно с престола Хлидскьяльв: *"видит он все миры и все дела людские, и ведома ему суть всего видимого"*, как видима она оку Вотана – Солнцу.

Один достиг просветления, добыл и даровал асам, ванам, карликам, альвам и людям смысл рун. Им же рождены многие искусства, включая поэзию. Впрочем, с поэзией не все так просто. Специалисты³⁴ пришли к заключению, что "нид" – хулительный стих – был первым из скальдических жанров. Таким образом скальды, которым Один покровительствует, это исполнители изначально хулительных, оскорбительных стихов, а

³¹ Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература... С. 50.

³² Младшая Эдда, в пер. О.А. Смирницкой, под ред. М.И. Стеблин-Каменского. – М.: НИЦ "Ладомир", 1994.

³³ Похожую задачу успешно решил полностью асоциальный Иван-дурак из русских сказок, став мужем царевны и престолонаследником.

³⁴ Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. Отв. Ред. Е. М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 1999, СС. 488-491.

искусство "скальдскап" – это, в известной степени, вызывающая поэзия.

Аватары Одина во всем соответствовали небесному Одину: *"Рассказывают как правду, что когда Один и с ним дии пришли в Северные Страны, то они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют. Один был самым прославленным из всех, и от него люди научились всем искусствам, ибо он владел всеми, хотя и не всем учил"*.³⁵

"... Он владел искусством менять свое обличие, как хотел. Он также владел искусством говорить так красиво и гладко, что всем, кто его слушал, его слова казались правдой. В его речи все было так же складно, как в том, что теперь называется поэзией (skaldskapr). Он и его жрецы зовутся мастерами песней, потому что от них пошло это искусство в Северных странах... Всем этим искусствам он учил рунами и песнями, которые называются (galdrar)."

Один часто покидает Асгард и бродит по Миру, где испытывает повстречавшихся ему. Один наказал жадного Хрейдмара с помощью проклятого кольца Андвари ("Речи Регина"), затем наказание за ту же жадность и подлость постигло Фафнира и Регина ("Речи Фафнира"). Один испытывал великана Вафтруднира ("Речи Вафтруднира") и "излечил" его от излишнего самомнения.

Он же, Один, неузнанным, явился при дворе короля Олафа и много интересного рассказал этому монарху о конунгах и древних событиях, сумел ответить на все вопросы короля обо всех странах и вещах. И даже подкинул королевскому повару жертвенное мясо – два больших и жирных куска говядины – считая, должно быть, забавным, если августейший монарх и фанатичный христианин отведаст языческой требы ("Сага об Олафе сыне Трюгви", LXIV).

"Сага о посошниках" содержит рассказ про норвежского кузнеца, что жил неподалеку от шведской границы, у которого Один остановился на ночлег, а наутро даже попросил подковать своего коня: *"... они пошли в кузницу и кузнец спросил гостя: "Где ты был прошлой ночью?" "В долине Медальдаль". А это было далеко от Несьяр (где жил кузнец), потому хозяин резонно заметил: "Ты, судя по всему, большой обманщик, этого никак не может быть". Ковалось кузнецу из рук вон плохо, и подковы вышли такими большими, каких он никогда не видывал. Но когда их примерили, они оказались коню впору. Когда конь был подкован, гость сказал: "Ты человек неученый и неразумный. Почему ты ни о чем не спрашиваешь?" Кузнец спросил: "Что ты за человек, и откуда явился, и куда держишь путь?" Тот отвечал: "Явился я с Севера и долго оставался тут, в Норвегии, но теперь думаю податься в Свейскую державу. И долго плавал я на кораблях, а теперь нужно привыкать к коню" Кузнец спросил: "Где же ты собираешься быть к вечеру?" "На востоке, в Спармёрке", – отвечал тот. "Этого не может быть, – сказал кузнец, – ведь туда не доскачешь и за семь дней". Гость вскочил на коня. Кузнец спросил: "Кто же ты?" Тот ответил: "Слышал ты об Одине?" – "Слышал я, как его поминают." – "Теперь ты можешь его узреть, – говорит гость. – И если ты не веришь тому, что я тебе сказал, смотри же теперь, как я перескачу на моем коне через ограду." Он прищипорил коня, тот перелетел через ограду и не задел ее, а колья в ней были вышиной в семь локтей. Больше кузнец его не видел" (перевод А. Я. Гуревича).³⁶*

Один провоцирует события в "Саге о Волсунгах":

"Сказывают так, что было разложено много костров вдоль палаты той; и вот стоит посреди палаты большая эта яблоня³⁷, о которой была речь. И тут говорится, что, когда расселись люди вечером вокруг костров, то человек некий вошел в палату. Тот человек был людям неведом с виду. Тот человек так был одет: плащ на нем заплатанный, ступни босые, а на ногах холстинные штаны. Тот человек в руке держал меч и шел прямо к родовому стволу, а на голове у него шляпа; был он очень высок и стар и крив на один глаз. Он взмахнул мечом и так вонзил его в ствол, что меч тот вошел в дерево по рукоять. Все люди приветствовали того человека; тогда он заговорил и сказал;

³⁵ Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М.: "Наука", 1980.

³⁶ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства, – М.: "Искусство", 1990, С. 101. см. также. Kongesoger. Sverre-soga, Baglarsoger, Oslo, 1962, pp. 253-254.

³⁷ Родовое дерево.

– Тот, кто этот меч вытащит из ствола, получит его от меня в дар, и сам он в том убедится, что никогда не держал в руках лучшего меча.

Затем выходит этот старик вон из палаты, и никто не знает, кто он такой и куда идет. Тут повскакали они с мест и заспорили о том, кому взяться за меч; думали, что достанется он тому, кто первым до него доберется. Наконец знатнейшие подошли первыми, один за другим, но не было тут такого, кому бы удалось это дело, ибо меч не шелохнулся ни в какую сторону, сколько за него ни хватались. И вот подошел Сигмунд, сын Волсунга-конунга, схватил меч и вырвал его из ствола, точно он там лежал свободно, дожидаясь Сигмунда. Это оружие так всем было по душе, что никто, думалось им, не видал ему равного...³⁸

Вокруг меча между Сигмундом и Сиггейром-конунгом разгорается спор, Сиггейр предлагает обмен меча на его тройной вес в золоте, Сигмунд отказывается. Тогда, затаив обиду, Сиггейр нападает на Волсунга с ратью, убивает его, а детей, включая Сигмунда, берет в плен... и т.д.

В дальнейшем, по тексту саги, Один еще несколько раз является "неузнанным": в качестве перевозчика-лодочника, который исчезает на глазах Сигмунда вместе с трупом отравленного Боргхилдой Синфьотли; он же подстраивает гибель Сигмунда, лишая его и своего подарка и Удачи.

"Вот Сигмунд-конунг трубит в свой рог, что остался ему от отца, и побуждает дружину. Было у Сигмунда дружины много меньше. Завязалась тут жестокая битва, и хоть был Сигмунд стар, а все же сражался он люто и все время был впереди своих. Не устоит перед ним ни щит, ни броня, а он весь день идет прямо на вражескую дружину, и никто не знает, чем кончится бой между ними. Много там летало дротов и стрел, и так помогали ему вещице его дисы, что не был он ранен, и неведомо, сколько людей пало от него, и были у него обе руки в крови по самые плечи. А когда продлился бой тот некое время, явился на поле том человек в нахлобученной шляпе и синем плаще; был он крив на один глаз, и в руке у него – копьё. Этот человек выступил навстречу Сигмунду-конунгу и замахнулся на него копьем. А когда Сигмунд-конунг ударил со всей силы, столкнулся меч с копьем тем и сломался пополам на две части. Тут Сигмунда-конунга покинули Удачи, и многие пали из его дружины..." На вопрос, можно ли его выходить, раненный Сигмунд отвечает: "Меня же бросили боги, так что не позволю я себя лечить, не хочет Один, чтоб мы обнажали меч, раз сам он его разбил; бился я в битвах, пока это было ему угодно."

Люди, их жизни – игрушки в руках игреца Одина.

Вот уже он помогает сыну Сигмунда – Сигурду добыть себе жеребца из породы самого Слейпнира:

"... пошел Сигурд в лес и встречается он старика с длинной бородой, и был он ему незнаком. Старик спросил, куда Сигурд идет. Тот ответил:

– Надо мне выбрать коня. Присоветуй мне. Тот молвил:

– Пойдем и погоним коней к реке той, что зовется Бусилтьорн.

Они стали гнать коней в глубокое место реки, а те поплыли обратю к берегу, кроме одного жеребца, и его то взял себе Сигурд. Тот жеребец был серой масти и молод годами, велик ростом и красив собой; никто еще не садился к нему на спину. Бородатый человек молвил:

– Этот жеребец происходит от Слейпни(ра), и тщательно надо его взрастить, чтобы стал он всех коней лучше.

И тут человек исчез. Сигурд назвал коня Грани, и был тот конь превосходен: Один его выбрал."

И перекован заново тот злополучный меч в знаменитый Гарм, которым будет убит змей Фафнир и добыто проклятое карликом Андвари богатство. Золото, из-за которого уже немало погибло героев, из-за которого смерть ждет опять-таки и самого Сигурда, и его возлюбленную, непокорную валькирию Брюнхилд, и многих других – речь о будущем сокровище Нифлунгов (Нибелунгов).

³⁸ "Сага о Волсунгах", III. в пер. Б. Ярхо/ Корни Иггдрасиля (Эдда. Скальды. Саги), сб. под ред. О.Смирницкой, – М.: "Терра", 1997.

К слову, Брюнхилд (Сигрдрива) – это еще одна кукла в руках *"хитрого Хрофта"*. Она некогда слушалась Одина и была им погружена в сон посредством волшебного шипа. Один лишил ее права побеждать в битвах, но по дьявольской иронии оставил вещий дар, так что валькирия провидит всю тщетность своего желания быть счастливой с любимым.

Сигурд на коне, выбранном тем же Одином, достиг места, где за языками пламени и стенами щитов лежала валькирия, и разбудил ее, вспоров перекованным мечом Одина плотную броню на теле девы. Дав валькирии клятву жениться на ней, он нарушил свое слово, став мужем Гудрун.

После смерти Сигурда в результате подстрекательства той же Брюнхилд, она покончила с собой, взойдя на его погребальный костер. Сюжет этот богато представлен в ряде песен Старшей Эдды и сагах.

В самом конце "Саги о Волсунгах" вновь появляется Один – *"некий муж, высокий, могучий и кривой на один глаз"* – и отчески подсказывает слугам Йормунрека-конунга (Германариха), как убить неуязвимых для железа детей Гудрун – Хамди и Сорли.³⁹ *"Загоните их камнями в Хел(ь)."*

Одной рукой Один одаривает тех, кто чтит его, а другой – отбирает. Выдающийся скальд Эгиль Скаллагримссон, живший примерно в 910-990 гг. так сообщает об непостоянстве Одина (называя его каждый раз иносказательно) в песне "Утрата сыновей" (22-24):

<i>"Жил я в ладах С владыкой сечи, Не знал заботы, Забыл про беды. Нарушил ныне Нашу дружбу Телег приятель, Судья побед.</i>	<i>Рад я не чтить Брата Вили, Главу богов Отвернуть гордо, Но Мимира друг Дал дар мне дивный, Все несчастья Возмещаая.</i>	<i>Сей боевой Ворог Волку Дал мне речь Безупречну И взор ясный, Чтоб явью вражьей Легко бы стали Ковы лукавых."⁴⁰</i>
--	--	--

В испытании, которое Один устраивает людям, он проявляет и свое коварство, и черное злодейство, хотя при этом он остается справедливым – высшим и жестоким посмертным судьёй. Вспомнить хотя бы, как Один наказал за жестокость конунга Гейррёда, что пытал Одина-Гримнира между двух огней, а в конце концов был зарезан своим же собственным мечом и погиб без оружия в руке, самым неподходящим для викинга образом:

*Конец я твой знаю
ныне же к Иггу,
клинком упокоен, пойдешь;
дисы в гнев;
ныне дерзнешь ли
на Одина глянуть, представ.⁴¹*

Таким образом, Гейррёд должен отправиться в Хель. Было бы странно думать, чтобы Один принял Гейррёда, своего мучителя, который не прошел испытания, в небесную дружину.

Вот весьма характерное сказание о трикстерном поведении Одина, запечатленное Снорри в его Эдде, в "Языке поэзии", и ставившее даже маститых исследователей в тупик своей бессмысленностью: *"Один отправился в путь и пришел на луг, где девять рабов косили сено. Он спрашивает, не хотят ли они, чтобы он заточил им косы. Те соглашаются. Тогда, вынув из-за пояса точило, он наточил косы. Косцы нашли, что косы стали косить много лучше, и захотели купить точило. Он сказал, что пусть тот, кто хочет купить точило, заплатит за него в меру. Это всем пришлось по душе, и каждый стал просить точило для себя. Один бросил точило в воздух, но, так как все хотели*

³⁹ Хамди и Сорли мстили по настоянию Гудрун Йормунреку за смерть своей сестры Сванхилд, отрубив ему руки и ноги.

⁴⁰ Поэзия скальдов. В пер. С. В. Петрова. – Л.: "Наука", 1979, С.21.

⁴¹ "Речи Гримнира", 53 / Старшая Эдда. В пер. В.Тихомирова

схватить его, вышло, что они полоснули друг друга косами по шее."

На этом трикстерные проделки Одина не завершились. Проникнув в пещеру великана Суттунга, где был сокрыт "мед поэзии", в образе змея, он соблазнил великаншупхранительницу, назвавшись при этом именем Бельверк (Злодей) ("Речи Высокого", 97-98)⁴²

*Солнечную
Биллинга дочь
нашел я на ложе;
мне ярла власть
не была так желанна,
как светлая дева.*

*Вечером, Один,
приди, чтоб деву
к согласью склонить;
будет неладно,
если другие
про это проведуют*

Спустя три дня злодей Один превратился в орла и спешно улетел, отягощенный поживой. Великан Суттунг догадался, что у него украли мед, тоже обратился орлом и бросился в погоню. *"Как увидели асы, что летит Один, поставили они во дворе чашу, и Один, долетев до Асгарда, выплюнул мед в ту чашу. Но так как Суттунг уже настигал его, Один выпустил часть меда через задний проход. Этот мед не был собран, его брал всякий, кто хотел, и мы называем его "долей рифмоплетов"* – рассказывает Снорри Стурлуссон.

5. Трикстер аморален, с точки зрения существующей этической системы культурного героя. Он стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен. Обладает зачастую ярко выраженными чертами соблазнителя – гиперсексуала и обжоры. Склонен к перемене пола.

Локи, как трикстер проявляет животную прожорливость и успешно соревнуется в поедании пищи с Логи – духом пламени во время знаменитого похода с Тором к Утгарда-Локи, который описан подробно у Снорри Стурлуссона в "Младшей Эдде". *"Никто не съест своей доли быстрее меня,"* – говорит Локи.

Животная природа Локи проявляется и в его детях, это волк (vargr) Фенрир и Мидгардский змей. Конь Слейпнир рожден Локи, обернувшись в кобылицу, от великанского жеребца. Принадлежность к хтоническим существам, по-видимому, вообще ассоциировалась в скандинавской мифологии со способностью менять пол и обличье.⁴³ Локи – родитель всех ведьм.

*Найдя на костре
полусгоревшее
женщины сердце,
съел его Локи;
так Лофт зачал
от женщины злой;
отсюда пошли
все ведьмы на свете.*

(*"Песнь о Хюндле"*)⁴⁴

Как мы уже видели, Один легко удовлетворяет свою любовную похоть в случае с похищением "меда поэзии", главным образом за счет красноречия. У Саксона Грамматика в "Деяниях датчан" присутствует еще рассказ о сватовстве бога Одина к Ринд.⁴⁵ По Саксону, Ринд – дочь короля рутениев. Одину предсказано, что именно от Ринд родится мститель за Бальдра, и потому он желает овладеть девой. Он переодевается человеком и приходит ко двору рутениев, называется военачальником, выигрывает решающую битву и требует Ринд себе в награду. Но Ринд он совсем не нравится. Девушка толкает его так, что

⁴² Старшая Эдда. В пер. А.Корсуна...

⁴³ Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов... С. 469.

⁴⁴ Старшая Эдда. В пер. А.Корсуна...

⁴⁵ От Ринд у Одина будет сын Вали, который отомстит за Бальдра, убив слепца Хеда, и останется жив после Рагнарека.

он сильно ударяется подбородком об пол, Один гневается и обрушивает на Ринд руническое заклятие, написанное на коре дерева. Ринд сходит с ума. Тогда Один переодевается женщиной-знахаркой, предписывает Ринд горькое лекарство и, чтобы девушка не вырывалась, советует привязать ее к кровати. Его совет исполняют, и тогда он овладевает беспомощной Ринд силой. Прочие боги гневаются на Одина за столь неблагоприятный поступок и даже на время изгоняют его.⁴⁶

У Меркурия, с которым Одина отождествляли, позорно похотливая природа, и он – отец Пана, бога Дикой Природы. (*Цицерон*. О природе богов (56)). Тут, следуя античным и средневековым параллелям надо вспомнить, что и греческий Гермес – отец Пана, то есть породитель Дикой природы (*Аполлодор*. Эпитома. VII.38). Хотя сам Гермес-олимпиец превосходит всех богов благодетельностью, но от юноши Гермеса у нимфы Дриопы рождается Пан, сразу бородатый, с рогами и козлиными рогами и “чудище с виду” (*Гомер*. XIX. К Пану, 1). Нимфа бросила сына в ужасе, Гермес “очень душой веселился, глядя на милого сына”, а потом понес сына на Олимп и, “покатились со смеху боги”.

Гермес – владетель мира зверей, а, значит, и Меркурий, и сам Один стоят также вплотную к животному миру. Один, хоть и не рогат, но потомок Мировой Первокоровы.⁴⁷ Впрочем, Одина ассоциировали уже после эпохи викингов с рогатым Королем Леса, предводителем Дикой Охоты.

*“Огненноокие львы, белоклыкие вепри, собаки,
Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, -
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!”⁴⁸*

Власть над животным миром, а также черты его как оборотня и животная гиперсексуальность указывают на архаичность бога Гермеса, как и славянского Велеса.

Владея шаманскими техниками и магией сейда, Один “на острове Самсей бил в барабан, среди людей колдовал, как делают ведьмы” – обвиняет Локи верховного аса, прибавляя: “ты – муж женовидный”. Впрочем, это лишь его ответ на примечание Одина, что Локи “под землей сидел восемь зим, доил там коров, рожал там детей, ты – муж женовидный”.⁴⁹

Обвинения стоят друг друга, насколько они оскорбительны можно судить по реакции героя одной из исландских прядей, новообращенного христианина Торвальда Кодранссона, когда против него и епископа-крестителя язычники сочинили нид:

*“Родил детей епископ девять,
всем им Торвальд отец.”*

Торвальд убил двух сочинителей. На вопрос епископа, за что, последовал ответ: “Нак как они сказали, что мы имели детей вместе...”⁵⁰

Когда Хеймдалль (по другой версии Локи) советует Тору переодеться женщиной, чтобы выручить свой молот у великанов, громовержец возражает:

*“Меня назовут
женовидным асы,
если наряд я
брачный одену.”*
(“Песне о Трюме”, 17)

⁴⁶ Скандинавская мифология: Энциклопедия. – М.: Изд-во “Эксмо”; СПб.: “Мидгард”, 2004. С.127.

⁴⁷ Младшая Эдда рассказывает, как Мировая Корова Аудумла лизала камни, и из них возник человек Бури (родитель), его сын Бор (рожденный) взял в жены Бестлу, дочь великана Бельторна. И она родила троих сыновей: одного звали Один...

⁴⁸ *Гомер*. III. К Гермесу, 569-571.

⁴⁹ “Перебранка Локи”, 23-24. В пер. А. Корсуна.

⁵⁰ со ссылкой на “Прядь о Торвальде Бывалом” и “Сагу о крещении” (XIII-XIV вв.) Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов... С. 468.

В нордической Традиции известны две взаимоисключающие формы древней магической практики: *galdr* (гальд) и *seidr* (сейд). И Один единственный из богов владеет обеими.

“Гальд – это магия заговоров, смесь поэзии и чародейства. Люди – во всяком случае, в период язычества – терпимо относились к практикующим гальд, чего нельзя сказать о сейде, который являлся практикой одновременно и вторичной, и вызывающей неприятие многих. Действительно, сейду свойственна некая “аура” антисоциальности и порочности, чему можно предложить множество объяснений. Занятие сейдом ввергало того, кто его практиковал, в состояние временной слабости, что делало этот вид магии неприемлемым для воинов; и действительно, заниматься сейдом было предоставлено женщинам. Позднее, с течением времени и соответственно обычаям, сформировалось мнение, согласно которому практика сейда стала считаться недостойной мужей... Сейд во многих отношениях сходен с шаманизмом, поскольку и тот, и другой подразумевают вхождение в состояние транса. С точки зрения воина, транс – состояние, малопригодное для мужчины, ибо делает его беззащитным перед лицом агрессии. Пророческие сновидения – дело другое: даже воины время от времени должны спать. Однако подвергать себя опасности ради занятий магией? Это должно было казаться воинам совершенно неприемлемым,” – пишет Фрея Асвинн. Перечень описанных Тацитом племен охватывает пространство от фризов до данов, т.е. включает в себя предков народов, практиковавших сейд. Женщины этих народов, как их описывает Тацит, были замечательными волшебницами и обладали великим могуществом:

“8. ...Германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями”⁵¹.

Им, несомненно, был известен некий чисто женский способ окрашивания рун, пред которым бледнеют мужские. “Раз в месяц, в течение почти недели, в соответствии с естественным циклом из тела женщины выделяется кровь. Это явление, несвойственное мужчинам, чаще ошибочно рассматривается как стигмат нечистоты, чем как обновление природой собственного потенциала. И, тем не менее, женские регулы почти повсеместно расцениваются как источник огромной магической силы. Большинство мужчин впадают в растерянность при столкновении с этим совершенно естественным феноменом. То, что о регулах можно забыть, когда их нет, что их можно эффективно сдерживать, когда они приходят, – это недоступно пониманию среднего мужского рассудка. То, что это явление обретает магический смысл, якобы делает его в чистом виде порочным, привнося оттенок непристойности и сексуальности в восприятие его мужчиной”⁵².

До нашего времени сохранилось выражение “кричать, как сейдовская баба” – речь идет о ведьмах, которые якобы в Вальпургиеву ночь (1 мая) слетались на Лысую гору. Вот как эти сведения перекликаются с “Сагой об Инглингах” из уже упомянутого “Круга Земного”: “VII. ...Один владел и тем искусством, которое всего могущественнее. Оно называется колдовство. С его помощью он мог узнавать судьбы людей и еще не случившееся, а также причинять людям болезнь, несчастье или смерть, а также отнимать у людей ум или силу и передавать их другим. Мужам считалось зазорным заниматься этим колдовством, так что ему обучались жрицы. Одну было известно о всех кладах, спрятанных в земле, и он знал заклинания, от которых открывались земля, скалы, камни и курганы, и он словом отнимал силу у тех, кто в них жил, входил и брал, что хотел”.

6. Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена. Трикстер не всегда выходит победителем из затеянной игры, и может попасть впросак, оказаться жертвой собственной хитрости.

⁵¹ О происхождении германцев, 8/ Корнелий Тацит. Собрание сочинений...

⁵² F. Aswinn. La magie du Seidr//IRMIN, No4, 1995.

Один многолик, вот только некоторые из его бесчисленных имен. Меняя имя, меняешь образ свой, словно примеряешь карнавальную маску, поворачиваясь к действительности каждый раз заgrimированной личиной.

*“Я – Грим-личина
и Ганглери-странник,
Вождь – мне имя, тож Шлемоносец,
Друг и Сутуга,
Третий и Захват,
Высокий и Слепо-Хель,*

*Истый, Изменный,
Исторгатель,
Радость Рати и Рознь,
Тож Одноглазый, тож Огнеглазый,
Злыдень и Разный,
Личина и Лик,
Морок и Блазнь,*

*Секиробородый, Даятель Побед,
Широкопольй, Смутьян,
Всебог и Навь-бог,
Всадник и Тяжбог, -
вовек не ходил я
среди человеков,
своих не меняя имен.*

*Ныне у Гейррёда
я – Гримнир-личина;
я же у Эсмунда был
Мерин, впрягшийся
в сани, Кормилец;
я на тинге – Цветущий
я же в битве – Губитель;
Ярый, Равный,
Вышний. Брадатый,
Посох и Щит для богов.”⁵³*

Так или иначе, Один был сравнительно легко схвачен Гейррёдом и восемь дней провел в пытках среди двух костров, пока на девятый его не освободил, дав напиток и вернув тем самым жизненную силу, сын жестокого конунга Гейррёда. Но если здесь Один вполне сознательно шел на испытание, в другом случае он остался в проигрыше из-за своей любви к путешествиям – жена Фригг изменяла мужу Одину с его братьями, пока супруг скитался:

*[Локи сказал:]
Молчи-ка ты, Фригг!
Ибо Фьегюна дочь,
как раз ты блудить горазда:
Вили и Ве,
хоть Видрир – твой муж,
с тобою любились оба.⁵⁴*

Если асов почитать, как светлых богов, то Локи конечно же чернец среди них, он Лофт – “сеятель раздоров”. У Локи, согласно Младшей Эдде, есть такие устоявшиеся среди современников эпитеты (кеннинги): зовут его “родичем и дядей, веселым попутчиком и сотрапезником Одина и асов”, “вором великанов”, “похитителем козла, ожерелья Брисингов и яблок Идунн”, “недругом богов”, “коварным асом”, “наветчиком и обманщиком богов”. Еще у Локи есть эпитет “виновник распрей”. Для забавы он летал в

⁵³ "Речи Гримнира", 46-49 / Старшая Эдда. В пер. В. Тихомирова.

⁵⁴ "Перебранка Локи" / Старшая Эдда. В пер. В. Тихомирова.

соколином оперении и, понадеявшись на собственную неуловимость, был пойман великанами, но, попав впросак, он пообещал привести к ним самого Тора без молота и волшебного пояса Силы. Обещание Локи сдержал наполовину. Тора привел во всеоружии, и великаны расплатились жизнями.⁵⁵

Попался Локи и еще раз, прилепившись к волшебной палке, которую нес великан в образе орла. За освобождение Локи расплатился тем, что выманил из Асгарда богиню Идунн с волшебными молодильными яблоками, впрочем, словно опытный шахматист переворачивающий доску и играющий уже другим "цветом", он вернул асам пропажу.

Проиграв свою буйну голову в споре карлику, изготовившему молот Тора, Локи сперва предложил за нее выкуп. Получив отрицательный ответ, он надел башмаки, "в которых он мог бежать по водам и воздуху" и бросился наутек. Когда же Тор поймал хитреца, тот остроумно заявил, что шея карлику не принадлежит, стало быть и отрубить голову нельзя. Когда карлик сшил ему в отместку губы ремешком, Локи вырвал его вместе с мясом.⁵⁶

Нахамив асам в знаменитой "Перебранке Локи", хитрец превратился в лосося и прыгнул в воду, но был пойман не без помощи рыболовной сети, которую сам же и изобрел накануне.

Скованный Локи пребывает под землёй в наказание за свои выходки. На лицо Локи капает яд из пасти змеи, и его судорожные движения вызывают землетрясения. Один пирует со своими асами в светлом Асгарде.

Но вырвется Локи на волю, и сын его – волк Фенрир проглотит Одина в дни Рагнарёка.

7. Трикстер выступает, как Старый Мудрец с одной стороны и как юнец – с другой, в зависимости от того, каков находящийся рядом с ним культурный герой рядом культурный герой, чье чувство значимости Трикстер умаляет.

Выше мы застали Одина в образе умудренного старца или могучего мужа, и при поверхностном взгляде верховный ас никак не может походить на пронырливого паренька Меркурия или Гермеса, насмехающегося над светлыми богами.

Если обратиться к "Песне о Харбарде", мы обнаружим, что как раз здесь обернувшийся недорослем перевозчик-Один морочит голову собственному сыну – могущественному Тору.

Тор возвращался с востока и подошел к какому-то проливу. По ту сторону пролива был перевозчик с лодкой. Тор окликнул его:

1-2. *"Эй, парень-парнище,
на том берегу чего стоишь?"*
А тот ответил:
*"Эй, стар-старичище,
Чего через водищу орёшь?"*

Таким образом Тор в комичной этой ситуации представляется рядом с Харбардом-Одином стариком (несмотря на то, что в переводе это имя Одина и означает – Длиннобородый). В переводе Н. Корсуна, то, что В.Тихомиров интерпретирует как "человечишко", звучит "сопляком":

Тор сказал:
*"Неохота мне вброд
брести по заливу
и ношу мочить;
не то проучил бы
тебя, сопляка,
за брань и насмешки,
на берег выйдя!"⁵⁷*

⁵⁵ Язык поэзии / Младшая Эдда. – М.: НИЦ "Ладомир", 1994. С. 113, С.120

⁵⁶ там же, СС. 129-130.

⁵⁷ "Песне о Харбарде", 13.

После некоторых препирательств мнимый перевозчик говорит Тору, чтобы тот назвал свое имя, потому как ему приказано держать переправу: воров, конокрадов не возить, а возить лишь людей хороших и известных самому перевозчику, между тем Тор не производит на него впечатление без обувки, без одежки и порток. Тор уточняет, что он сын Одина, кто его сын и брат. В переводе у В. Тихомирова: *"А сам я сильнейший – бог Тор перед тобою!"*. В переводе у А. Корсуна и вовсе: *"Ты с владыкой богов беседуешь – с Тором!"* ("Песнь о Харбарде", 8).

Затем происходит обычная перебранка. Тор клятвенно обещает пересчитать обидчику кости, тот не лезет за словом в карман, и обещает дожидаться Тора на своем берегу. Тор рассказывает, как он побеждал великана за великанищем ("Песнь о Харбарде", 15, 19, 23, 29). А Харбард хвалится, как он любился с девицами, и что это гораздо лучше, чем биться с мужами. Причем, спал он, как оказалось, сразу с семью родными сестрами. Харбард вспоминает, что соблазнял ночных наездниц, то есть валькирий, и жен уводил у мужей ("Песнь о Харбарде", 16, 18, 20, 30).

24. Харбард сказал.
Ходил я в Валланд,
затеял смуту
рати стравливал,
да не мирил:
к Одину павише
или воители,
а к Тору – одни рабы".⁵⁸

26. Харбард сказал:
У Тора сил вдоволь,
да смелости мало;
со страху ты раз
залез в рукавицу,
забыв, кто ты есть;
от страха чихать
и греметь ты не смел,
не услышал бы Фьялар.⁵⁹

Тор утверждает, что дрался с женами берсеркеров, которые наводили на людей порчу, а Харбард отвечает, что не велика честь драться с женщинами. На вопрос Тора, кто научил его таким срамным и глумливым словам, Харбард отвечает, что люди из могильных курганов. Ярость Тора уже плещет через край, когда мнимый перевозчик сообщает богу, что его жена Сив сейчас гуляет с любовником, пока он тут на переправе застрял. Громовержец негодует – Харбард его задержал, на что собеседник ехидно замечает, мол *"подумать только, великому Тору простой перевозчик помеха"*. И когда Тор, сообразив, что над ним издеваются, обещает припомнить Харбарду переправу, тот лишь усмехается в ответ: *"А ешь тебя тролли!"*

Хотя перевод В. Тихомирова восьмой строфы "Песни о Харбарде" представляется автору статьи верным по контексту, ведь там же Тор утверждает, что он Одинов сын, то есть никак не может быть одновременно владыкой богов, а является лишь сильнейшим из них, надо отметить, что Тор некогда занимал вершину древнегерманского пантеона, и даже к концу тысячелетия в некоторых областях Скандинавии его культ был в большем почете у бондов, чем культ прочих богов. Не случайно Адам Бременский в своем описании Скандинавии, составленном около 1070 г., рассказывает о храме в Уппсале так: *"В этом храме, который весь разукрашен золотом, народ поклоняется статуям трех богов. Самый могущественный из них, Тор (Донар), сидит на своем престоле посередине храма. Водан и Фрикко сидят по ту и другую сторону от него. Отличительные черты каждого из них: Тор, как говорят, владычествует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем. Другой, Водан, что значит "ярость", правит войнами и вселяет в людей храбрость перед лицом врагов. Третий, Фрикко, дарует смертным мир и сладострастие. Его идол снабжен поэтому громадным детородным членом. Водана же изображают они в доспехах, как мы – Марса, а Тор со своим скипетром кажется похожим на Юпитера..."*⁶⁰

Этим ритуальным скипетром-молотом Тор освящает погребальный костер Бальдра, хотя, казалось бы, жреческую церемонию должен проводить "местный шаман" Один. Тор совершает и своеобразное жертвоприношение, пихнув в костер пробежавшего мимо

⁵⁸ Пер. В. Тихомирова

⁵⁹ Пер. А. Корсуна

⁶⁰ Magistri Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Ed. B. Schmeidler, 3. Aufl., Hannover, 1917, S. 257-260.

карлика.

Исследователь традиционной культуры Сергей Пивоваров (Святич)⁶¹ обратил наше внимание еще на несколько фактов, которые могут свидетельствовать в пользу временного главенства Тора, у которого затем пришелец Один отобрал ряд функций. Для этого придется снова обратиться к двум произведениям Снорри Стурлуссона.

В Прологе "Младшей Эдды" этот автор, следуя средневековой моде, возводит асов к легендарным троянцам, при этом утверждает, что вождь Один – далекий потомок Тора: *"В северной части света он (Тор) повстречал прорицательницу по имени Сибилла – а мы зовём её Сив – и женился на ней. Никто не ведает, откуда Сив родом. Она была прекраснейшей из женщин, волосы у неё были подобны золоту. Сына их звали Лориди, он походил на своего отца. У него был сын Эйнриди, а у него – Вингетор, у Вингетора – Вингенер, у Вингенера – Модди, у Модди – Маги, у Маги – Сескев, у Сескева – Бедвиг, у Бедвига – Атри, а мы зовём его Аннан, у Атри – Итриманн, у Итриманна – Херемод, у Херемода – Скьяльдун, а мы зовём его Скьяльд, у Скьяльдуна – Бьяв, а мы зовём его Бьяр, у Бьява – Ят, у Ята – Гудольв, у Гудольва – Финн, у Финна – Фридлав, а мы зовём его Фридлейв, а у того был сын Водан, а мы зовём его **Один**".*

Немаловажно, по мнению С. Пивоварова, и то, что Один описывается как пришлый в Скандинавию вождь. В "Саге об Инглингах" Снорри уточняет: *"V. ... В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений. Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа..."*

В рассказе о приходе в Скандинавию диев с Одним не упомянут ни один из богов-асов скандинавского пантеона – ни Тор, ни Браги, ни Тюр, ни Хеймдайль, ни другие – на основании этого наш коллега С. Пивоваров делает вывод, что пришельцем был лишь Один и ваны, упоминающиеся с ним.

Прочие же боги – типа перечисленных – почитались ещё до него, а Один вошёл в пантеон позднее, хотя и достаточно давно – ведь Тацит уже в первом веке говорит об особом почитании Меркурия материковыми германцами. Значит, приход культа Одина на север Европы следует отнести еще ко временам до Рождества Христова. О древности культа Тора свидетельствует, по нашему мнению, и тот факт, что Громовержец передвигается в пространстве на колеснице, подобно ариям, тогда как Один – уже на коне.

"Как такое произошло?" – задается вопросом С. Пивоваров. Скорее всего, он – Один – почитался какими-то пришельцами, которые, вторгнувшись на земли германцев, составили у них значительную часть аристократии. На сам факт существования этих пришельцев указывает миф о приходе асов. Асы, точнее aesir – это, конечно же, боги. Но в то же время многочисленность спутников Одина явно указывает на переосмысление древнего мифа. Любопытно, что для обозначения спутников Одина Снорри использует термин *diar* – слово, переводящееся как "боги", однокоренное латинскому *diō*, эллинскому *theos*, индийскому *deva*: *"VI. Рассказывают как правду, что когда Один и с ним дии (diar) пришли в Северные Страны, они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют..."*

Гипотеза С. Пивоварова нуждается в уточнении. Диями Снорри называет лишь жрецов народа асов, причем до исхода на север, в Скандинавию. То есть, некие выдающиеся люди, будучи асами, в то же время и дии: *"II Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище. По древнему обычаю в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ. Они назывались дьями, или владыками. Все люди должны были им служить и их почитать. Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами..."*

⁶¹ Одна из его работ представлена как в предыдущем, так и в настоящем выпуске "Вестника..."

Такое смешение характерно для времен еще до религиозной реформы Заратустры, разделившей окончательно арийских асуров-асов и дэвов-дивов-диев. Причем дэвы в древнеиранской мифологии и авестийской традиции стали зловредными существами, тогда как в "Ригведе" одни и те же боги выступают и асурами, и дэвами. Не эти ли реформы или подобные им заставили диев-асов покинуть прежние земли и совершить беспримерный переход из Азии на Север Европы?

Один делает диями и пришлых ванов: *"Один сделал Ньёрда и Фрейра жрецами, и они были диями у Асов. Фрейя была дочерью Ньёрда. Она была жрица. Она первая научила Асов колдовать, как было принято у Ванов"*.

Есть и еще один темный эпизод – косвенное свидетельство того, что именно ваны напали на асов, а не наоборот, и Один, спровоцировав очередную брань, предводительствовал не асами, а ванами:

*"В войско метнул
Один копье
Это тоже свершилось
В дни первой войны;
рухнули стены
крепости асов,
ваны в битве
врагов побеждали"*⁶²

Именно победившие ваны – Ньёрд, Фрейр и Фрейя, а не Тор, унаследовали престол Одина ("Сага об Инглингах", IX-X).

Вероятно, Тор – это бог туземцев, жителей Скандинавии, а Один в ряде случаев – пришелец, молодой и наглый Трикстер, который ниспровергает могущественного Громовержца. Один занимает место Тора в древнегерманском пантеоне, переиграв его. В свою очередь и на асов с ванами на новом этапе истории и мифологии находится свой Трикстер – это пришелец Локи из рода йотунов, шут, шkodник в ботинках-скороходах, на фоне гениального старца-Одина и могущественного мужа-Тора.

Таким образом, Трикстер – это воплощение Силы, которая действует инициатором и катализатором общественных процессов в переходные моменты истории общества, при смене социо-культурных отношений.

* * *

На примере эддических богов – Локи и Одина – рассмотрен архетип "Трикстер". По пп. 1-7. выделены основные черты и функции Трикстера. В смежных работах, находящихся к марту 2005 года в печати, мною рассмотрены как Трикстеры античные Гермес и Одиссей, герои исторических анекдотов, басен, шванок и быличек: Диоген Синопский, поп Амис, Насреддин, Уленшпигель, Илья Муромец, ученик Дьявола и чёрт. Отсылаю заинтересованного читателя к этим новым публикациям, в том числе и на страницах следующего "Вестника Традиционной Культуры".

⁶² "Прорицание вельвы", 24. В пер. А.Корсуна.